

ЖИЛ-БЫЛ Я...

Александр ГРАДСКИЙ, один из зачинателей рок-движения в СССР, сегодня сочиняет оперу «Мастер и Маргарита» и строит в Москве театр. О своем творческом пути и новых планах он рассказывает «Тверской, 13»

- Александр Борисович, в отрочестве вы 7 лет занимались на скрипке у известного педагога. Почему бросили?

- Педагог Соколов, кстати, ученик Елены Фабиановны Гнесиной, действительно замечательный специалист, и на скрипке я играл хорошо. Но у меня не было возможности заниматься, как положено, по 5 - 6 часов в день, поскольку жили мы в коммуналке, в которой было прописано 38 человек. О чем тут говорить?

- Неужели так много?

- Конечно. Нормальная московская коммуналка конца 50-х годов: 9 или 10 семей, один туалет, одна ванная, 8 плит на кухне. К тому же подвальный этаж - два метра ниже уровня земли. В нашей восьмиметровой комнате - мама, папа, я и бабушка. Плюс пианино. Так - или почти так - жили тогда многие. Нам еще повезло с районом. Дом стоял на Фрунзенской набережной, в двух шагах от станции метро «Парк культуры». Мы ходили гулять вдоль Москвы-реки до Кремля.

- Мальчика со скрипкой пацаны не обижали?

- Нет. Я был крепким: играл в футбол, хоккей... Лихие дворовые компании были сильны на Сretenке. А у нас в районе каждый подросток жил сам по себе. Конечно, и мы время от времени собирались в стаи. В школе я водил компанию с тремя боксерами. Могли «отметелить» какую угодно «шайку». Про это знали, и нас обходили стороной. Интуитивно мы добились результата, которому впоследствии меня учили в Кьекшинкае-карате: ты можешь не драться, создав у противника впечатление, что с тобой лучше не связываться. В жизни своей я дрался всего раза 3 или 4. Большое дело - не ударить человека. Это возвышает тебя в собственных глазах. Хотя, по правде сказать, иногда так хочется кое-кому дать по шее. Но людей бить не хорошо, даже если они очень провинились. Нужно как-нибудь по-другому наказывать. А бить не надо.

- После того как в 1972 году была записана хитовая песня Давида Тухманова «Жил-был я», вы проснулись знаменитым?

- Эта песня не была как следует раскручена: ее редко транслировали по радио, ни разу - по телевидению. Она была доступна лишь на пластинке «Как прекрасен этот мир». Даже песня Александры Пахмутовой «Как молодцы мы были» в моем исполнении уж на что хит, а и то в 1976-м была показана по телевидению всего раз пять или шесть. Сравните с сегодняшней ситуацией, когда любая песенка, за чью раскрутку заплатили, может по одному каналу пройти до 5 раз в день, а то и больше.

- Почему после успеха фильма «Романс о влюбленных», к которому вы написали музыку и спели все песни за главного героя, больше не работали с режиссером Андреем Михалковым-Кончаловским?

- Отношения с Андреем у нас сначала складывались идеально, мол, делаем кино вместе. Но после фильма от него пошел другой текст: это моя картина. Мне не нравится, когда сначала говорится одно, а потом делается другое. Из-за этого мы поссорились и расстались. Но мои отношения с семьей Михалковых от этого не ухудшились. Для фильма Никиты «Свой среди чужих, чужой среди своих» я спел песню. Очень дружил с их мамой Натальей Петровной Кончаловской. Она написала либретто к моему балету по Киплинг «Маугли». Правда, в ее трактовке это была история для детей, а когда я начал над ним работать, то музыка увела совсем в другое направление. Так бывает, что материал начинает двигаться сам собой. Пришлось все переделать. Наталья Петровна все поняла и не обиделась.

- Вы автор музыки к более чем 40 картинам. Не было искушения попробовать себя в актерской ипостаси?

- Никогда. А в последнее время не вижу и кинопроекта, в котором бы хотелось

ИТАР-ТАСС

поработать композитором. Пять лет назад мне показало, что фильм «В августе 44-го» может получиться интересным. Я к нему написал большой саундтрек. Но когда работа уже была сделана и начался монтаж картины, продюсер и режиссер начали тянуть одеяло каждый на себя, не понимая, что, во-первых, оно короткое, во-вторых, у них очень слабые руки. А в результате получается просто плохо. Я сказал им: «Ребята, у меня 44 фильма. Дайте мне возможность нашу картину улучшить за счет грамотной расстановки музыкального материала, за счет правильного монтажа...» Мне ответили: «Нам столько музыки не надо, мы не оперу снимаем». Я засомневался - может, отстал от жизни. Дома просмотрел подряд кассеты «Матрицы» и «Гладиатора» и понял, что прав. Современные масштабные постановки невозможны без мощнейшей поддержки большого блока симфонической музыки. Особенно когда в картине плавный сюжет: бродят по лесу солдаты, и все. Если такое

изображение не насыщено музыкальным материалом, то это скучно. И никакие сверхпопулярные актеры ситуации не спасут.

- Рок-музыка считается бунтарским направлением...

- Говорят, что да. Но я так не думаю. Когда-то это было новым течением. Новое всегда воспринимается в штыки. А те, кто создает это новое, уже готовы к такому приему и заранее выставляют защитные иголки.

- В сопротивлении режиму вроде бы надобность отпала. Что теперь происходит с роком, лишенным бунтарского духа?

- Все разговоры о бунтарстве - это к критикам. Они в музыке ни хрена не смыслят, а писать о чем-то надо было. Вот они и родили такую фальшивую теорию, которую потом подхватили и превратили в журналистский штамп. Большинство наших «рокееров» вообще никогда не играли рок-н-ролл. Они не знают, что это такое. Сыграй какую-нибудь их рок-композицию просто под гитару - получится чистый

«блатняк». Глушить слушателя тяжелым звуком, громко орать: «Пошли вы все к чертовой матери», ломать на сцене инструменты - на все это много ума не надо. Вот мы какие «протестанты». А в чем протест? Очевидно, отвергается якобы причесанное и прилизанное советское искусство. Но, протестуя против одного, нужно взамен предлагать что-то другое. А что они могут предложить? Внешний вид, активную позицию, социальные тексты? Все это звучит эмоционально, жестко, истошно. Но что тут нового в музыке? Квинтовый круг - и привет. Спой это под семиструнку - получишь незамысловатую дворовую песню. Послушайте лучшую западную рок-музыку, какие там особая полифония, ритмы, гармония, оригинальные звуковые находки. Это по-настоящему другая музыка.

- О постановке собственного мюзикла не задумываетесь?

- Как только закончится строительство моего театра, я сразу там что-то поставлю в этом жанре. Постараюсь не

совершать ошибок других. Например, «Норд-Ост» погубили ежедневные показы. Даже московская публика такого напряженного графика не выдержала. «Нотр-Дам» шел раз в неделю и прожил не один год - грамотные люди... Я пока не знаю, о чем будет мой мюзикл. Думаю, иголка потянет за собой нитку. Буду отталкиваться от конкретного сюжета. Если для него чечетка будет органичной - будем бить чечетку, если - нет, танцевать не будем. Драть непосредственно с Бродвея - глупо. Но главный принцип останется: актеры должны жить на сцене. Даже в опере певец обязан быть во всем органичным, уметь двигаться, а не только стоять у колонны и, схватившись за сердце, что-то орать в зал.

- Вы больше 25 лет пишете оперу «Мастер и Маргарита» и написать все никак не можете. Не является ли это продолжением тех мистических неудач, которые преследуют почти всех, кто пытается работать с этим загадочным романом Михаила Булгакова?

- Не думаю. Написал же Сергей Слонимский в 1972 году оперу «Мастер и Маргарита», и ничего плохого не случилось. Очевидно, несчастья подстерегают тех, кто паразитирует на Булгакове. Хотя я и в это не очень-то верю. Ну, предположим. Но когда какой-либо художник добавляет к уже существующему чужому сочинению что-то новое, то честь ему и хвала. Дух Булгакова не должен злиться. Иначе это было бы просто нечестно с его стороны. Чего злиться-то? Так получается, что и я могу запретить петь мои песни. Ерунда. Думаю, что «булгаковские» разговоры - всего лишь суеверные легенды.

Если я серьезно засяду за «Мастера и Маргариту», то доведу дело до конца. Кроме Мастера и Иешуа, партии которых спою сам, у меня пока нет ни одного вокалиста ни на одну роль. Даже не знаю, в каких тональностях писать, поскольку не вижу подходящих исполнителей, которые бы сразу справились с тем, что я задумал. А долго с кем-то заниматься и репетировать нет ни времени, ни возможностей. Митя Хворостовский мог бы спеть Воланда. Но он классический певец, очень занят, и я себе плохо представляю, как он стал бы меня слушаться и ломать свой стиль. К тому же он может просто не согласиться, хотя мы эту тему с ним уже обсуждали.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ